

Дочери моря

Kathryn Lasky

Дочери моря

The Crossing

Кэтрин Ласки

Дочери моря

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Coe)

Л26

Автор Кэтрин Ласки

Печатается с разрешения издательства Scholastic Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.
Оригинальное издание опубликовано на английском языке
под названием DAUGHTERS OF THE SEA: THE CROSSING
Все права защищены.

Перевод с английского *М.С. Фетисовой*
Оформление обложки дизайн-студии АСТ
Художник *Гордеева Е.А.*

Ласки, Кэтрин.

Л26 Дочери моря: Встреча / Кэтрин Ласки; пер. с англ. М.С. Фетисовой. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-17-093341-9.

Три сестры связаны чем-то гораздо более сильным, чем узы крови, — секретом, что глубже самого океана. Завершающий роман серии «Дочери моря» красив и опасен, как сам океан...

Кэтрин Ласки — автор более сорока книг для детей и взрослых, обладательница множества премий в области литературы. Ее перу принадлежат такие серии как «Ночные стражи», «Волки из Далеко-Далеко», «Лошади рассвета», «Дочери моря» и др.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Coe)

Подписано в печать 25.03.2016 г. Формат 60x90/16

Усл. печ. л. 20,00. Тираж экз. Заказ №

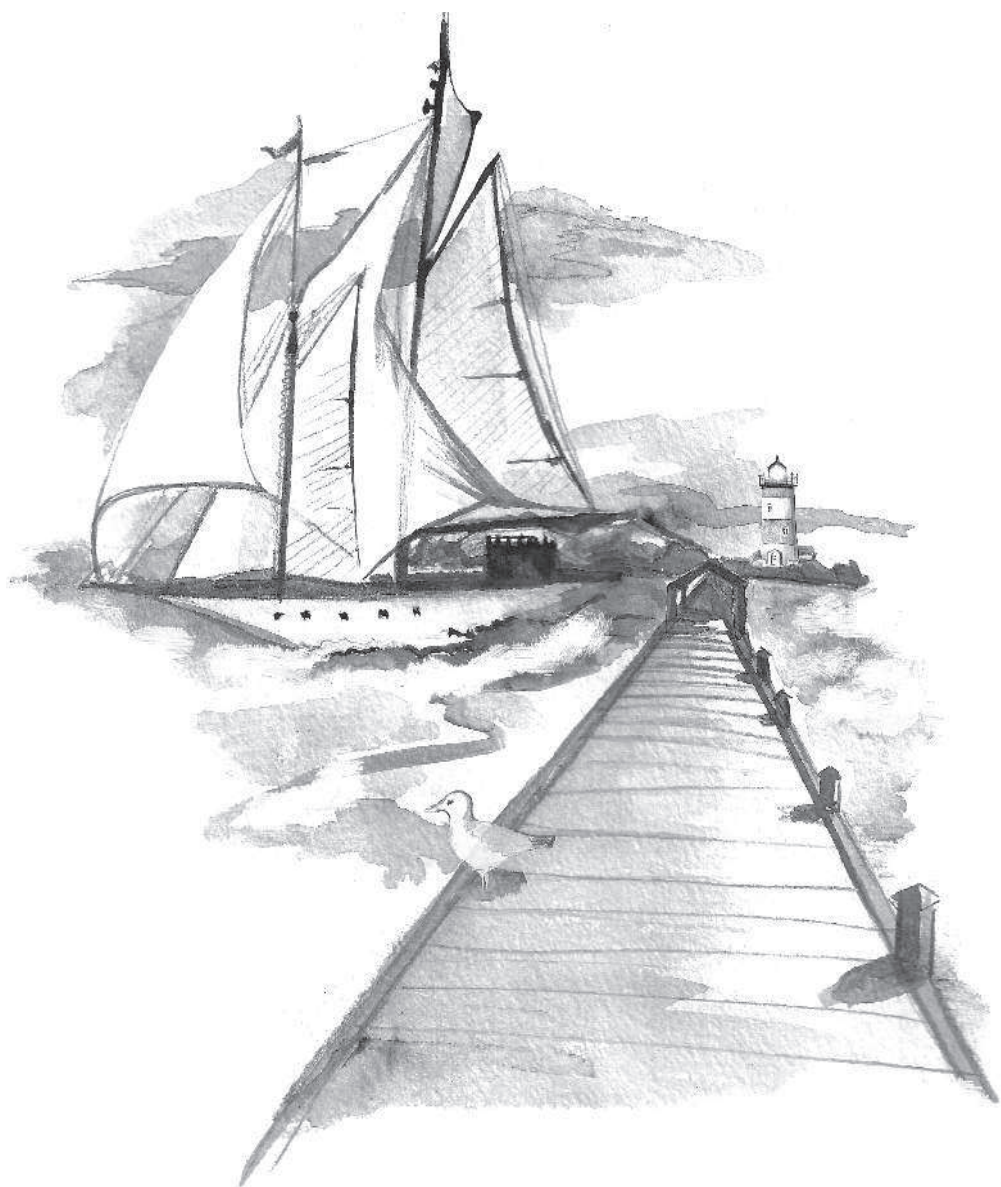

Copyright © 2015 by Kathryn Lasky. All rights reserved.
Published by arrangement with Scholastic Inc.
557 Broadway, New York, NY 10012, usa
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Люблю вас, посему нарисовал приливы и отливы
на руке и начертил своё желание на небе.*

Т. Э. Лоуренс

ПРОЛОГ

— **Подсудимая, встаньте, пожалуйста.**

Люси встала, приподняв подбородок.

Сердце отчаянно колотилось, но девушке казалось, что она слышит и биение сердца Фина Хинслера, сидящего в конце зала. Ей хотелось дотянуться до него, сжать его руку и дать знать — она не боится. Как странно — ощущать, будто вырвалась из тела. Будто паришь под самым потолком и глядишь вниз: подобные ощущения Люси испытывала, плавая и наблюдая что-нибудь интересное на морском дне. Теперь она наблюдала саму себя, стоящую в зале суда Томастона в штате Мэн. Она находилась менее чем в миле от моря и всё же никогда не чувствовала себя более далёкой от него.

Казалось странным, что, обращаясь к Люси, бейлиф сказал «пожалуйста», словно — не смотря на суровый голос — предлагал ей сесть за стол и выпить чашечку чая, презрев происходящее. Судья ударил молоточком, и в зале воцарилась тишина — густая, хоть ножом режь. Все присутствующие, казалось, разом задержали дыхание. Люси же чувствовала, как нежным потоком её пронесит над всем этим: над людьми, забившими скамейки; над Финном, измождённым и отчаявшимся; над её сестрой Мэй, скрытой густой вуалью, стоящей рядом со своим отцом, Гаром, вцепившись в его руку в поисках поддержки, — оба они дрожали. Люси молилась, чтобы никто не узнал в Мэй её сестру. Девушка утешалась тем, что Ханна, вторая её сестра, сейчас в Бостоне и не может видеть этого... этого... можно ли назвать происходящее спектаклем? В зал набились не только зеваки и десяток репортёров со всех уголков Новой Англии и Нью-Йорка — за стенами здания собрались торговцы снедью с тележками сладостей и яблок, а яблочный сидр в этот чрезвычайно тёплый день предлагали из чана на колёсах по три цента за кружку.

Судьёй был сухопарый мужчина с лицом, изборождённым глубокими морщинами. Улыбнулся ли он хоть раз в своей жизни? Уши, большие и красные, просвечивали за тонкими серыми, расширяющимися книзу бакенбардами. Но в нём была серость, проникавшая глубже его усов. Он был серым, до самой сердцевины, словно гранит. Его голос грохотал, проникая через слои горных пород:

— Именем закона штата Мэн, суд присяжных признал вас виновной в убийстве первой степени. Решением суда, вы, Люси Сноу, приговорены к повешению за шею до смерти в первый день декабря лета 1900 от Рождества Христова. Таков приговор закона. — Он остановился и перегнулся через высокую скамью, с которой председательствовал. — Выйдите вперёд, моя дорогая.

Люси вздрогнула. «Моя дорогая! Какая нелепость». Только что приговорил её к смертной казни и называет *дорогой*. Бессмыслица и глупость. Любопытно, что занимало её разум в эти мгновения: странные мысли вертелись у девушки в голове, словно обломки в морских волнах.

Внезапно Люси вспомнила о гребне из ракушки, которую Мэй с Ханной, — у сестёр уже

были такие, — помогли ей найти: это была единственная вещь, обладание которой её волновало. Гребешок отобрали после ареста. Очевидно, посчитав, что с его помощью она каким-то образом сможет выбраться из тюрьмы. Узнать бы, куда констебль его положил. И что с ним станет, когда её не будет?

Девушка живо вспомнила ночь, когда они с сёстрами приплыли к мысу Саймона, морское дно близ которого усеяно раковинами. Было из чего выбрать. Что Ханна с Мэй будут делать, когда она умрёт? Выйдут ли в море? Устроят ли какую-то церемонию в память о ней — похороны? Отправятся ли к «Решительному» — навесить резную фигуру, похожую на их мать? Хотя, конечно, странно, что они находили её воплощение в дереве столь утешительным. Но для них оно было подтверждением их истинной сущности. Они всё ещё угадывали свои черты в контурах деревянного лица, изборождённого шрамами за долгие годы пребывания под водой.

Время от времени они плавали до отмели Нантакет к тому кораблю, застывшему, как призрачное видение, на дне морском, и всегда, очертя голову, устремлялись к бушприту и льну-

ли к единственному изображению матери, которое знали. Люси задумалась: прошепчут ли ей Мэй с Ханной, что одна из её дочерей погибла — была повешена. Что суд признал её виновной в убийстве.

«А моё тело? Что станет с моим телом? С моим телом со сломанной шеей. Закопают на кладбище для нищих...» — предположила Люси.

«Почему я обо всём этом размышляю?» — вдруг подумала она, продолжая глядеть сверху вниз на свою телесную оболочку, шагающую к скамье судьи. Девушка начала говорить, с трудом узнавая свой голос. Но речь была чистой и твёрдой.

— Ваша честь, вы говорили, что меня будут судить судом равных.

— Да, действительно, вас судили двенадцать достойных доверия горожан, — подтвердил он.

Люси медленно повернулась к присяжным заседателям:

— Но они не равны мне.

— Вы имеете в виду, что среди них нет ни одной женщины? Но суд присяжных всегда состоит из мужчин.

— Нет, я не это имею в виду.

— Тогда *что* же? — голос его стал резким.

«Как объяснить, что ты не совсем человек?» — подумала Люси. Ни судья, ни суд присяжных из двенадцати людей не поверят, что она — русалка.

— Вам никогда не понять.

На шее судьи выступили красные пятна. Лицо его внезапно побагровело:

— Не дерзите, мисс.

Мисс — слово будто пощёчина хлестнуло девушку по лицу. В задней части зала послышался всхлип. Мэй.

Люси вздрогнула, почувствовав остроту боли Мэй. Как будто двух сестёр соединяла артерия. Они потратили почти всю жизнь, чтобы найти друг друга, без малого восемнадцать лет, а теперь придётся разлучиться навсегда. Девушка представила, что видит горизонт. Мэй и Ханна скрывались за ним, исчезали. Руки сестёр простирались к ней, но им не за что было схватиться. Она превратилась в синеватый туман, ничтожный, нереальный, синеватый туман. Смерть не была чёрной. Она была синей.

— Порядок! Порядок в суде! — судья постучал своим молоточком. — Бейлиф! — крупный

мужчина шагнул вперёд. Люси больше никуда не плыла. Её тело и разум снова слились воедино. Судья кивнул. Девушка почувствовала, как на её запястьях смыкаются тяжёлые оковы. Стукнул молоточек, потом снова и снова. «Суд окончен».

СВАДЬБА СЕЗОНА

«БОСТОН-ИВНИНГ-ГРАНСКРИПТ»: Свадьба мисс Матильды Форбс, дочери мистера и миссис Пинчон Форбс из Бостона и Бар-Харбора, штата Мэн, и лорда Томаса Лайфорда, графа Лайфорда, единственного сына последнего графа Лайфорда и его супруги Клариссы, вдовствующей графини Лайфорд, состоится в Королевской часовне. Новобрачную будут сопровождать четыре подружки невесты: Маргарита Трил-линг, Элизабет Кэбот, Беттина Перкинс и Эдит Тэйер. В качестве друга жениха будет выступать виконт Луи Дюваль, его кузен. Шаферами будут Эддон Астор, Сэмюэль Велд, Джонатан Перкинс и Стэнниш Уитман Уилер, светский художник, намеревшийся завершить портрет невесты. Приём состоится в клубе «Сомерсет».

Ханна положила газету на круглый столик рядом с цветами, только что принесёнными Стэннишем, — он арендовал ей небольшую квартирку на Бриммер-стрит рядом со своей собственной, — и снова пробежала глазами свадебное объявление. Почему Стэнниш согласился стать шафером? Он едва знал жениха, но утверждал, что это крайне важно для дела. Единственная причина, по которой она согласилась пойти, заключалась в том, что среди приглашённых нет Хоули. Они поплывут в Европу, как и всегда в октябре. Так что у неё не будет ни единого шанса столкнуться с Этти — её любимицей в доме Хоули, где она раньше прислуживала. Любимицей, встречи с которой, однако, было нужно любой ценой избежать. Этти знала секрет Ханны: что они с сёстрами — дочери моря. Но как бы Этти ни была умна, она бы никогда не поняла, почему Стэнниш так привлекает Ханну. Ханна уже давно поняла, что Этти попросту ненавидела художника.

В первый год, когда Ханна поступила в услужение к Хоули, Стэнниш рисовал портрет хозяйских дочерей. Тогда они впервые встретились и полюбили друг друга. И всё же Этти